

Антон Смолькин

Практики повседневных межпоколенческих взаимодействий глазами студентов провинциального вуза: этнографическое эссе¹

Повседневные мелкие межпоколенческие «конфликты»² с участием молодежи и пожилых людей — типичное явление для крупного российского города. Вина за это традиционно возлагается на младшее поколение, что, по всей видимости, далеко не всегда справедливо [Смолькин 2008: 116–119], по крайней мере проблема нуждается во всестороннем описании и анализе.

Низкая степень рефлексии повседневных конфликтов и традиция рассуждать о них «без деталей», предельно абстрактно на фоне безусловно принимаемых представлений о пожилых людях как о «страдающих» (а не, например, о «причиняющих страдания»), позволяет поставить под сомнение если не вектор, то по крайней мере однозначность распространенных в общественном сознании представлений о повсеместном неуважительном отношении к старости. Исследования межпоколенческих отношений свидетельствуют, что проблема, хотя и не носит антагонистического характера [Лисовский 2002: 112], все же достаточно

Антон Александрович Смолькин

Институт общественных наук
Российской академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Москва
anton.smolkin@gmail.com

¹ Статья написана при подготовке научно-исследовательской работы «Политика возраста. Анализ поколенческой стратификации российского общества» (ЦСИ РАНХиГС, 2015 г.).

² Я беру слово «конфликт» в кавычки, понимая здесь и далее под «конфликтной ситуацией» такую, которую сам респондент определял как конфликтную / дискомфортную или близкую к таковой, хотя в содержательном отношении она может и не удовлетворять словарным требованиям к определению. Речь, таким образом, чаще идет не о конфликтах, а о способах уклонения от них.

существенна, причем пессимистические оценки перспектив межпоколенческого взаимопонимания с возрастом заметно усиливаются [Саралиева, Балабанов 1999: 62; Иванова, Смирнова 2003: 29].

Теоретической предпосылкой данной работы является предположение о том, что социальные позиции пожилых людей в современной России оказываются изначально ограниченными — в смысле признания (не декларативного, а практического) ценности их жизненного опыта, трудовых перспектив, наличия собственных специфических интересов и т.п. Я обращаюсь здесь к конфликтологической теории Й. Галтунга о «структурном насилии» (подробнее см.: [Galtung 1969; 1990]) как системе дискриминации, легитимированной в наборе сложившихся норм. Пожилые люди оказываются заложниками существующей социальной системы, жертвами «институционализированных нарушений» (*institutional wrongdoing*) из-за «культурно обусловленной моральной слепоты» [Pleasant 2008: 98]. Вследствие этого некоторые способы, с помощью которых они пытаются решить свои повседневные проблемы, порой инициируют конфликтные ситуации или вызывают у окружающих неприятие, негативно сказываясь на социальном статусе пожилых. Эта позиция задает рамку для понимания проблемы на уровне норм, касающихся *повседневного поведения* по отношению к пожилым людям. Иными словами, фокус теории структурного насилия позволяет осмысливать рассматриваемые конфликтные ситуации как социологическую проблему, не связанную с индивидуальными характеристиками действующих лиц.

Однако, согласно теории конфликта Р. Коллинза, люди в ситуациях взаимодействия имеют весьма ограниченные возможности для принятия рационального решения и действуют скорее рутинизированным или ритуальным образом. Настойчивые попытки объяснить поведение участников ситуации через социальные нормы несостоятельны и в лучшем случае могут описать эмпирически наблюдаемую регулярность; нормы здесь оказываются маскировкой описаний под видом объяснений [Rössel, Collins 2006: 509]. Фактически и сами акторы используют нормы для ретроспективных рационализаций, чтобы описать / осмыслить свои прошлые действия [Rössel, Collins 2006: 512], и использованные нами в данной работе интервью интересны именно в этом смысле — разумеется, сообщая нам не позитивистски понятое «объективное состояние дел» и даже не видение пожилых людей молодежью, а то, как именно и через какие нормы последними может быть этот опыт описан. Это помогает увидеть, как работают такого рода рационализации для согласования собственных действий акторов с признаваемыми ими

нормами. Следует подчеркнуть, что исследование¹ фокусируется не на глубинных причинах, а на практиках и конкретных формах «конфликтного» с точки зрения самих респондентов поведения / взаимодействия, зачастую принимающего скорее *ритуальный*, чем действительно конфликтный характер. В этом смысле выбор конкретной конфликтологической рамки перестает быть важным, поскольку на собранном материале нет возможности обоснованно судить о его причинах.

Методы

Сбор и анализ материала проводился по методике «двойной рефлексивности» с помощью неструктурированного неформализованного интервью. Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубинные интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме «длинного стола» [Шанин 1998].

Респонденты с жизненным опытом, релевантным целям исследования, были отобраны с помощью предварительного анкетирования; кроме того, использовался весь массив интервью, собранных мною по геронтологической проблематике. В качестве респондентов выступали студенты 2–5 курсов (всего более 50 интервью) различных факультетов Саратовского государственного технического университета в 2007–2010 гг. (в информации об интервью город по умолчанию — Саратов, область по умолчанию — Саратовская).

Сенситивность изучаемых проблем обусловила выбор круга респондентов, оптимально отвечавшего поставленным задачам в связи с легкой доступностью и относительно безболезненным входением в поле, что существенно снизило вероятность отказов и напряженности интервьюируемых. Также были использованы материалы включенного наблюдения за поведением пассажиров в общественном транспорте. Регулярный дневник наблюдений не велся, отдельные заметки послужили основой аналитических рассуждений и гипотез.

Интервью проводились в здании университета, в спокойной обстановке, как правило, без участия третьих лиц. Беседы были записаны на цифровой диктофон; при транскрипции я старался сохранять эффект живой речи и специфику словоупотребления респондентов.

¹ Первое приближение к проблеме см. в: [Смолькин 2010].

Специфика повседневных межпоколенческих конфликтов

Рассматриваемые конфликтные взаимодействия обладают рядом особенностей, отличающих их, например, от конфликтов со сверстниками или даже от конфликтов между представителями других возрастных групп. Типичный межпоколенческий конфликт с участием молодежи и пожилых людей мелкий и ситуативный, мировоззренческая составляющая в нем выражена ярче, он нередко разворачивается на противопоставлении ценностей и часто понимается участниками как групповой — через поколенческую идентичность, а не как индивидуальный. Характерна быстрая децентрализация — собственно конфликтный эпизод обычно не развивается, но порой становится поводом для дальнейшей коммуникативной активности (обсуждение с другими свидетелями, морализированные нотации оппоненту). Само противостояние почти исключительно вербальное; известные мне случаи его обострения были вызваны скорее сторонними факторами (например, алкогольное опьянение), чем глубиной / неразрешимостью собственно конфликтной ситуации.

Поводом к конфликту обычно являются различные, действительные или мнимые, формы «непроявления уважения» со стороны молодежи по отношению к пожилым людям — например, несоблюдение льготного режима (не уступают место в транспорте, не пропускают в очереди) или отсутствие / недостаток инициативы в его соблюдении. Как правило, в действительности суть конфликта составляют претензии не столько к конкретному человеку, сколько к сложившейся системе межпоколенческих отношений, на острие которой (*время / место*) оказался обвиняемый. Вследствие этого агрессорами обычно оказываются именно пожилые люди, причем для них характерна специфическая форма поведения — «агрессивная жертва», не имеющая достаточных ресурсов для полноценной автономной защиты своих интересов или «восстановления справедливости», а потому публично апеллирующая к нормам, которые обвиняемый должен был бы соблюдать. Таким образом ситуация маркируется как девиантная.

Выход из конфликтной ситуации происходит, как правило, по инициативе молодежи, обычно это уклонение от конфликта (в числе прочего и потому, что *status quo* выгоден именно младшим). Ответная агрессия относительно редка. Сложившаяся культура повседневного взаимодействия не содержит предписаний для ситуаций, виновными в которых являются представители третьего возраста, предполагая по умолчанию отсутствие таковых, поэтому общепринятых публичных способов вступить в конфликт с пожилыми людьми практически нет

и подобная попытка будет выглядеть как откровенно девиантная. Агрессия по отношению к пожилым не приветствуется даже среди радикальных субкультур и (полу)криминальных сообществ [Беликов, Громов 2009: 233; Громов 2009: 60; Халикова 2009: 285–286].

Агрессия со стороны представителя младшего поколения — такой поведенческий маркер, исходя из которого можно предположить, например, готовность к (физическому) насилию, что, как правило, по характерным чертам поведения распознается участниками еще на предкоммуникативной стадии. Вследствие этого с потенциальным(-ми) агрессором(-ами) обычно стараются «не связываться» (в этом смысле характерно, что прямые претензии пожилых людей заметно чаще адресуются девушкам, чем юношам). Я не рассматриваю здесь те случаи, когда речь идет о преступлениях — там действует логика оппозиции не «старый / молодой», а «сильный / слабый», хотя и в этих случаях теоретически тоже могут быть задействованы оправдания в духе Раскольникова — «зачем ей, старухе, деньги?» — но скорее именно как оправдание, а не принцип выбора жертвы.

В ожидании конфликта: «Бывают такие, злые на весь мир...»

Практически все респонденты сообщают о своих уважительных аттитюдах к пожилым людям, но это утверждение сопровождается регулярной оговоркой о необходимости *симметричного* уважения.

Я сам просто отношусь так, как ко мне относятся. <...> Если видишь, что та же самая бабушка на меня орет, какое уважение может быть? А если там: «Сынок, уступи место», — то, конечно, я уступлю (апрель 2008 г. В., 21 год, м.).

Может быть такая малейшая, маленькая причина из-за того, что сами пожилые люди приводят к тому, что ты можешь им грубо ответить. Сами пожилые люди могут быть чем-то недовольны и поэтому раздражительны: что-то им не понравилось, и они высказывают все сразу же (октябрь 2008 г. С., 22 года, м.).

Подобные реплики легко (и необходимо) было бы игнорировать, будь они единичны, между тем они нередки даже у тех респондентов, которых трудно заподозрить в межпоколенческой злонамеренности (что, впрочем, не исключает возможного понимания этих реплик как оправдания собственных недостаточного уважительных действий). В то же время необходимость такого избирательного уважения гораздо реже оговаривается (или не оговаривается вовсе), например, респондентами — выходцами с Кавказа или (бывшими) сельскими жите-

лями, когда они рассказывают о «малой родине». Любопытно, что проговаривать свои претензии к пожилым людям респонденты были склонны почти исключительно в тех случаях, когда их поощряли к этому прямым вопросом («Бывает ли, что пожилые люди сами виноваты в том, что к ним отнеслись неуважительно?» и т.п.).

Инт.: *Не все пожилые люди заслуживают одинакового уважения?*

Рес.: *Конечно, не все, как и любой человек. Насколько он заслужил репутацию, авторитет, насколько он добр, насколько отзывчив, такое отношение к нему и надо иметь. Конечно, он — человек. Но не все люди одинаковы, и с одинаковым уважением я не могу относиться ко всем пожилым людям* (декабрь 2008 г. А., 19 лет, м., Духовницкий р-н, дер. Горяиновка).

Справедливость таких утверждений в повседневном разговоре безусловна, но настораживает их регулярное проговаривание — по сути, это подобно тому, как если бы покупатель просил в магазине непременно функциональный товар, каким он, казалось бы, и должен быть по определению. Видимо, подобные отклонения в поведении пожилых уже попадают в горизонт ожиданий, не оказываясь нетипичным исключением, и сам преклонный возраст не включает автоматически уважительных моделей поведения.

Многие стараются по возможности избегать прямых контактов с пожилыми людьми в силу отсутствия общих интересов и нежелания вступать в бессодержательные, с точки зрения молодежи, диалоги. Описывая свое поведение в общественном транспорте, некоторые респонденты говорили о том, что стараются даже не садиться, чтобы потом не пришлось уступать место: в числе прочих объяснений такого поведения, безусловно, и попытка уклониться от (дискомфортных вариантов) коммуникации. Вместе с тем такая позиция сама по себе показательна — следовательно, межпоколенческие контакты могут быть дискомфортны / конфликтоопасны уже на уровне ожиданий и даже при стремлении к нормативному поведению не гарантируют социального удовлетворения. Назывались и более экзотические причины избегания — вплоть до кажущихся анахронизмов.

Рес.: *Мне еще бабушка сказала: никогда с чужими бабушками не пытайся вступить в конфликт, потому что сейчас многие занимаются черной магией. Может, я мнительная, но я стараюсь как-то держаться в стороне от пожилых людей.*

Инт.: *А почему именно пожилые?*

Рес.: *Как мне бабушка сказала, от скуки. <...> Бывает, если кто-то пристально смотрит, я фигу в карманчике, и подальше отвернуться...* (декабрь 2007 г. Е., 20 лет, ж.).

Следует отметить, что такое предохранительное поведение (во всех вышеперечисленных вариантах) само по себе может создавать / усиливать эффект «плохого отношения». Подобные опасения и возникающая в их результате некоторая коммуникативная настороженность — следствие убежденности, что многие пожилые люди к молодежи предвзяты [Соколов 2010: 595] и заранее ожидают с ее стороны неуважительного к себе отношения.

Инт.: *А как Вы считаете, сами пожилые люди думают, что к ним плохо молодежь относится?*

Рес.: *Думаю, да. Ну не, не то чтобы плохо, а... безразлично. Они считают себя никому не нужными. Соответственно, плохо (январь 2008 г. В., 23 года, м., Саратов—Москва).*

Может, они привыкли, что к ним так относятся. Ну [неуважительно]. Поэтому и [привыкли себя так вести] <...> у пожилых людей предвзятое отношение к молодежи (апрель 2008 г. В., 21 год, м.).

По крайней мере в отдельных случаях эти объяснения оправданны: усиление межпоколенческой напряженности может быть инициировано не только реакцией пожилых людей на реальное неуважение, но и их склонностью расшифровывать всякое неоднозначное поведение как неуважительное, своего рода презумпцией виновности. Собственно, это типичный пример мышления через имплицитные стереотипы, к которому сами пожилые склонны едва ли в меньшей степени, чем молодежь (это может быть объяснено как следствие комплекса жертвы институциональных нарушений, когда ущемления своих интересов начинают ожидать практически везде).

Один раз я штраф оплачивал, перед кассой стою. Получается, стою я, за мной мужчина молодой и потом бабушка, лет 80, тоже штраф оплачивает. Ну мы так с парнем переглянулись: ничего себе! 80 лет... А так получилось, что бабушка немножко встала между мной и парнем. И он ей говорит: «Бабушка, что ж Вы так нарушаете-то?» Он имел в виду: что ж Вы штраф — нарушаете на дороге. А она имела в виду [поняла]: что ж Вы в очередь влезли? И она говорит: «Все, я Вас пропускаю!» А он говорит: «Да нет, я не в том плане». — «Нет чтоб бабушку вперед пропустить, ты мне замечание делаешь!» Он начал отговариваться: «Нет, я имею в виду по поводу штрафа». Она ему: «Иди оплачивай, я теперь вперед тебя оплачивать не буду, раз ты мне замечание делаешь». Он опять... ну, в общем, я оплатил и ушел, не знаю, чем у них там спор закончился, просто иной раз... вот он... с добрыми намерениями это было направлено, просто человек воспринял неправильно (декабрь 2007 г. А., 19 лет, м.).

Гармония социального взаимодействия завязана на ожиданиях, нередко работающих как усеченные случаи самореализующихся пророчеств, и, по всей видимости, именно общий фон негативных ожиданий от *другого* фундирует многие практические проблемы межпоколенческого взаимодействия. В целом коммуникативные ожидания относительно пожилых со стороны молодежи оказываются настроенно-безразличными.

Алкоголь как причина конфликтов

Одна из причин конфликтов — практика употребления алкоголя в общественных местах или более частных пространствах (во дворе, в подъезде или около него). Проявления состояния опьянения усугубляются тем, что, как правило, в провинции домой возвращаются не на такси, а на общественном транспорте: с учетом «советского стиля общения» (см. соответствующий раздел ниже) это является источником многочисленных потенциально конфликтных ситуаций. Согласно статистике, более трети всех преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения [Кошкина и др. 2010: 6], и это без учета многочисленных незарегистрированных преступлений и еще более многочисленных ситуаций с нарушением резидуальных¹ правил.

За последние 20 лет употребление алкоголя на душу населения выросло практически в два раза [Кошкина и др. 2010: 2], при этом возрастная граница употребления снизилась (по данным исследования 2002 г. (N = 2983). Процент учащихся, регулярно («раз в неделю и чаще») употребляющих пиво, стремительно увеличивается с 5,8–9 % (для девушек и юношей соответственно) в 7 классе до 22,6–39,2 % к 11 классу [Собкин, Адамчук 2006: 40]). Следует оговориться, что алкоголь как усилитель склонности к конфликтам работает в обе стороны — один из респондентов шутливо обратил на это внимание следующим образом: «Иногда он пьяный, а иногда сам пьяный».

Да и даже в поселке вот пожилые люди... [засомневался и уточнил] ну, там-то... опять же пожилые, которые выпивают — с ними бывают конфликты (июнь 2008 г. П., 25 лет, м., Татищевский р-н, с. Сторожевка).

Я далеко послал пожилого человека, потому что он подошел ко мне и моим друзьям в пьяном виде, когда мы разговаривали. Затем

¹ Термин, введенный Томасом Шеффом [Scheff 1999: 53–68], — «остаточные» правила, не организованные формальным образом, «само собой разумеющиеся» и становящиеся очевидными только в случае их нарушения.

он пытался что-то доказать, что только усилило мое раздражение (эссе, 19.10.2009, Е., 19 лет, м.).

Рес.: *Да если даже привести пример моих друзей. Квартиру я снимаю, дома мы сидим, гуляем. <...> Сверху дедушка живет... вышли на балкон покурить, он: «А-а! Успокойтесь, тише музыку сделайте!» Они там что-то ему в ответ тоже что-то такое крикнули. Мне это как бы не очень понравилось. Я как бы, конечно, покричал на них... все-таки он не со зла, он тоже отдохнуть хочет.*

Инт.: *Они резко реагировали, да?*

Рес.: *Ну да. Но он тоже там... недобро кричал, нехорошими словами. Они, может, только из-за этого... хотя не знаю даже... есть там соседи тоже пожилые...*

Инт.: *А если бы он вежливо попросил, как Вы думаете?*

Рес.: *[думаю, все лучше было бы, еще сказалось нетрезвое состояние] Не то чтобы они там грубо, так, смеясь. Пошутить (май 2008 г. А., 21 год, м., Ханты-Манский АО, пгт. Пойковский).*

Инт.: *А бывают случаи, когда Вы не проявляете уважение?*

Рес.: *Бывало. Но это только к синим, в смысле, к пьяницам. И все (май 2008 г. А., 21 год, м., г. Ершов).*

Не уступил место пьяному грязному деду. Решил, что он бомж и испачкает сиденье (эссе, 19.10.2009, Д., 19 лет, м.).

Характерно, что даже в подобных случаях респонденты стремились озвучить сомнения в правомерности собственных действий. Мы наблюдаем некоторое противоречие: преклонный возраст, видимо, не оказывается достаточным сдерживающим фактором в сложных ситуациях и в выборе сценария действия мало принимается в расчет, но при этом объяснение произошедшего выглядит не до конца легитимным даже для самого рассказчика.

Инт.: *А есть такие, которым Вы менее остальных склонны уступить? Вот алкоголики...*

Рес.: *Пьяные, дурно пахнущие, которые своим видом неприязнь уже какую-то... Ну это, конечно, может, и неправильно...*

Инт.: *А Вы вообще над этим вопросом задумывались?*

Рес.: *Нет, как получится... (декабрь 2008 г. А., 19 лет, м., Духовницкий р-н, дер. Горяиновка).*

В автобусе ко мне подошел пьяный мужчина пожилого возраста и на весь автобус начал возмущаться, что ему не уступают место как ветерану войны. Я не стал уступать, потому что он поступил, по-моему, неправильно. Если бы я его увидел, то уступил бы (эссе, 19.10.2009, Н., 19 лет, м.).

**Пожилые охотники за общением:
мелкий конфликт как способ коммуникативного бытия**

Как существующие стереотипы, так и служащие их основанием некоторые поведенческие практики пожилых людей формируют взгляд на старость как на период одиночества и оставленности, пребывания в состоянии острой коммуникативной недостаточности. Например, распространенная среди пожилых (в основном женщин) практика подкармливания птиц, кошек и собак, полумедитативное общение с ними в отсутствие собеседников-людей маркирует индивида как одинокого, скупающего фланера; кроме того, отдельные элементы такого поведения служат потенциальным поводом подозревать ментальное нездоровье. В известной степени отмеченный выше стереотип небезоснователен, и, по всей видимости, определенная часть мелких повседневных конфликтов с участием пожилых людей есть лишь способ заполнения коммуникативных лакун, ситуативная попытка преодоления одиночества. (Подобно этому, отдельные исследователи-наблюдатели связывают участие пожилых в митингах КПРФ не столько с политическими устремлениями, сколько с возможностью подтвердить идентификацию с определенной привычной и интуитивно понятной общностью, оказаться в знакомом коммуникативном пространстве [Жаковска 2011: 205].)

Здесь следует расшифровать / детализировать (ответные) межпоколенческие коммуникативные тактики младшего поколения. Несклонность молодежи к не имеющим, с ее точки зрения, практической ценности межпоколенческим коммуникациям формирует позицию, с которой любое обращение воспринимается как ненужное и утомительное. В этом смысле есть основания говорить о недостатке социальной ответственности / солидарности, редукции чувства социального долга и прочих негативных последствиях социализации в условиях аномии и социокультурных / мировоззренческих разрывов между поколениями. Именно такая позиция молодежи (впрочем, до известной степени характерная и для представителей других возрастных групп) вынуждает пожилых людей прибегать в поисках общения к указанным обманным маневрам. Эта специфическая черта именно межпоколенческих конфликтов с участием пожилых людей, для прочих видов повседневных конфликтных ситуаций она, кажется, не характерна.

Таким образом, конфликт может выполнять специфическую функцию коммуникативного сближения с оппонентом или свидетелями происшествия, выход на дистанцию разговора. Нередко логика поведения пожилых так и рассматривается на-

блюдателями: не столько как ответная реакция (на неуважение), сколько как поиск повода к вербальному столкновению, сосредоточенность на подборе ключей, или скорее отмычек, к диалогу / монологу.

Инт.: *А конфликты с другими людьми?*

Рес.: *Ну, в общественном транспорте или на улице. Чтение морали. Или вот просто одинокие пожилые люди... у которых не осталось мужа, жены, им же скучно жить, не с кем поговорить, родственникам они не нужны. Бывает же такое! Вот они на улицу выходят и специально нарываются на конфликт, лишь бы чтоб поговорить, лишь бы их выслушали, начинают вот конфликтовать, говорят-говорят-говорят, а потом начинают тихо переходить плавно на свою жизнь. Сначала началось с того, что вот, молодое поколение, вы ужасные, вы не такие, вот у нас было так, и потом уже на абсолютно ровном тоне начинается: «Вот во времена моей молодости... мы пошли туда-то, сделали то-то». И они просто говорят, они даже уже не ругаются. И вот этой своей надоедливостью они очень сильно... расстраивают. <...>*

Инт.: *А почему [конфликты] случаются?*

Рес.: *Из-за того, что многие пожилые люди одиноки и им просто хочется пообщаться. В любой форме. Хоть конфликт, хоть спор, хоть диалог, или монолог лучше вообще.*

Инт.: *То есть вообще никак не связано это с ситуацией?*

Рес.: *Нет* (ноябрь 2008 г. Т., 19 лет, ж., г. Энгельс).

Способы поиска собеседника могут принимать изящную комплиментарную форму, где конфликту отведена роль объединяющего начала, точки опоры для дальнейшего диалога. В логике «молодежь нынче совсем старших не уважает, но ты, я вижу, не такой» пожилой человек может обозначить молодого как «правильного» собеседника, достойного внимания, с которым можно разделить время и беседу. В данном случае описываемая им повсеместность межпоколенческого конфликта (действительная или мнимая) через указание на многочисленность «неправильных других» — исключительно фоновая, пролегомены к дальнейшей беседе, межпоколенческий вариант разговора «о погоде» в коммуникативном репертуаре пожилых. Кроме того, такие утверждения могут усиливать чувство вины за сверстников и общество в целом, которые не уделяют достаточного внимания пожилым людям, и побуждать к сочувствию в форме внимания. Таким образом, межпоколенческий конфликт может изначально быть преувеличенным или даже надуманным / ложным и конструироваться пожилым человеком для того, чтобы при возможности перейти от него к общению (с позиции «снисходительного обвиняющего») с обвиняемым или свидетелями обвинения.

Другой важной причиной конфликтного поведения является стремление к психологической разрядке. Отчасти это сформировано именно негативными межпоколенческими ожиданиями, работающими в данном случае как вывеска для гипотетической арены конфронтации, привлекательной тем, что здесь конфликт будет развиваться в ожидаемых рамках и никого не удивит, поскольку такая структура ожиданий задает молодежи роль тех, к кому необходимо приложить воспитательные / поучающие усилия (см. также раздел «Советский стиль общения»).

Надо относиться к ним на отлично, и все-таки пусть пожилые люди относятся к нынешней молодежи более хорошо, а не с отрицательной энергией, накопленной за всю свою жизнь (июнь 2008 г. П., 25 лет, м., Татищевский р-н, с. Сторожевка).

Рес.: *Сами пожилые иногда пользуются своим этим положением, что они пожилые... Злоупотребляют этим.*

Инт.: *И много таких?*

Рес.: *Да нет. Злоупотребляют, я думаю, те, у которых... на самом деле им нечем заняться. Они вышли на пенсию, они чем-то там... как-то там еще поработали... <...> и ему больше делать нечего, телевизор... сериалы... они идут, им нечем заняться, не с кем поговорить. И они что-нибудь, кого-нибудь заденут, чтобы поорать, высказаться. Снять напряжение таким образом на ком-то, за счет кого-то. <...> Просто на самом деле некоторые ищут повод, чтобы задеть, поорать* (апрель 2008 г. В., 20 лет, м.).

Границы типовых ожиданий подобных ситуаций включают вербальный конфликт фактически как вариант нормы, создавая в повседневности зоны сброса негативной энергии, подобно тому, как, например, болельщики на стадионе ведут себя экспрессивнее, чем в повседневной жизни. Таким образом, пространство межпоколенческого взаимодействия — место, где конфликт, выраженный в форме наставления / поучения, оказывается достаточно легитимен.

Безадресные жалобы

Нередко выбираемая пожилыми форма обращения — безадресные жалобы, когда сообщаемые претензии не имеют конкретного адресата, предназначены не только определенному человеку, но и публике, подразумевая предложение обсудить заявленную проблему. Этот вариант общения позволяет вести нефорсированный управляемый монолог / диалог — здесь минимален риск попасть в неловкую коммуникативную ситуацию (если человек ни к кому конкретно не обращается, то и прерывать / игнорировать его некому). Отсюда проистекает

богатый выбор вариантов развития сюжета, ведь безадресную жалобу можно развивать самостоятельно, как диалог с самим собой, доверяя другим участникам лишь отдельные реплики, т.к. безадресность не подразумевает обязательного ответа (впрочем, при желании можно поставить в вину неназванному адресату, что он не отреагировал должным образом). Такой стиль жалоб тоже справедливо считать помимо прочего поиском общения — более того, иногда это видится едва ли не ключевой причиной ситуации.

Подобная форма коммуникации может, во-первых, при определенных условиях актуализировать негативные стереотипы (но именно в случае «разговоров не по теме», а не повышенной болтливости — первое актуализирует стереотипы об умственной деятельности: низкие интеллектуальные возможности, забывчивость, низкая обучаемость и т.п. [Ruscher, Hurley 2000: 145–147]) и, во-вторых, вызывать раздражение, подобное тому, которое вызывают слухи, — на не прямое обвинение невозможно адекватно ответить.

Был один раз случай, чисто случайно я не заметила бабушку, которая ехала рядом со мной, и вот я ехала остановок пять и остановок пять я слышала, какая я плохая. Ну я встаю, я промолчала, я никогда ничего не скажу, потому что я знаю, что это моя вина. Я вообще стараюсь не садиться. Даже если трамвай полон и место освободилось, я стараюсь не садиться. Считаю, что лучше... себе дешевле, чтоб потом не слушать, какая ты. <...> Они начинают издали. Они начинают, какая молодежь пошла невоспитанная, а потом конкретно обращаются к человеку, который сидит (декабрь 2007 г. Е., 20 лет, ж.).

Рассматриваемый вариант обращения может и не принимать развернутую форму, ограничиваясь намеками на плохое самочувствие — вербально, с помощью поз, жестов и т.п.

Рес. 2: *Встает и со вздохом: «Ох, тяжело». Вот это было. <...> вот именно такое, типа «тяжело дышать», «откройте окна, форточку» (парное интервью: апрель 2008 г. Рес. 1: А., 21 год, м., г. Александров Гай; Рес. 2: Ан., 21 год, м.).*

Кажется, именно такая форма считается достаточно легитимной:

Когда учился в лицее, я в автобусе... там бабушка. Допустим, как бы сделал бы я, если мест нет, — встал бы рядом с тем, кто уже сел [сделал бы вид, что устал], я считаю как, увидел бы, встал бы и уступил место. Нет — бабушка встала, и начинает: «Вот, молодые никудашные пошли, да вот место не уступите бабушке», — и там пошло-поехало, история целая (март 2008 г. А., 21 год, м., г. Александров Гай).

Здесь мы наблюдаем не отлаженный до прозрачности (и, следовательно, потенциально конфликтный) компонент ситуации повседневного взаимодействия: отсутствие прямой просьбы делает ответную реакцию близкой к необязательной (или по крайней мере легко превращающейся в таковую при соблюдении соответствующих правил нарушения правил — «уснуть», «не заметить» и т.п.). При этом прямых приемлемых способов обратиться с просьбой с соблюдением необходимого и устраивающего обе стороны баланса (между агрессивной и униженной просьбой с откровенно просящей интонацией) в отечественной культуре не выработано (о возможных причинах этого см. раздел «Советский стиль общения»).

Гипертрофированность действия как следствие информационно-событийного дефицита

Сужающийся горизонт событий в жизни пожилого человека превращает даже самое мелкое происшествие в значимое, обстоятельно разбираемое до деталей. Это вариант, близкородственный описанному выше поведению «охотников за общением» (в том смысле, в каком общение есть способ утоления информационного голода), в крайних случаях усугубленный состояниями, находящимися скорее в ведомстве психиатрии. В ситуации информационного дефицита представления о событиях оказываются бриколажем домыслов, когда предпринимаются попытки из отдельных слов / действий интересующего объекта (вплоть до случайных) и фрагментарных наблюдений за ним собрать целостную картину.

Отдаленным аналогом описываемой практики является состояние односторонней влюбленности, с тем же соотношением интереса, информационного дефицита и способами его преодоления, только обычно в более пассивных формах. Кроме того, я бы предположил в таком поведении усвоенные еще в советскую эпоху способы повседневного анализа происходящего — через слухи и прочие формы обмена частными мнениями / наблюдениями, когда интерес к событию значительно опережает по скорости и объемам доступные источники информации.

Есть молодой человек, периодически я у него обитаю... но редко. Сидят на лавочках пожилые бабушки и все это дело видят. Ну вот я пришла и ушла. Так и так, говорят, наверное, Олежка женился, ничего нам не сказал. И вот две бабушки сидят и думают: они нашу воду тратят, они наш газ тратят и свет, а мы вот — как же это так? И не платят за это! Пошли эти две бабушки, написали большой-большой список, типа весь подъезд подтердил, что молодой человек женился, и что третьего человека

уже прописали в квартиру, и что этот человек не платит. Эти бабушки напридумывали разных каракуль в виде подписей за этих людей и отправили в ЖЭК. В ЖЭКе [решили], что, раз весь подъезд подписал, значит, все это правда, проверять никто не стал — счет пришел на троих человек, на тысячу больше. Вот зачем они это сделали? Пошел молодой человек разбираться. Единственное, что на звонок в дверь: «А, Зин, Зин, меня сейчас бить будут!» — и не открыли. Но заявление сняли, все. Зачем они это делали, непонятно. Скучно, наверное, было. И обидно, что им не сказали про «свадьбу», они пропустили. Они вечно сидят, смотрят, а это вдруг опа! — пропустили такое событие большое. Вот такие не очень хорошие бабульки. Что им надо? А им вечно что-то надо, они всегда все про всех знают (ноябрь 2008 г. А., 19 лет, ж.).

Желание (социальной) деятельности, не находя достойного приложения, принимает порой подобные причудливые формы. Характерно, что такая активность чаще рождается в процессе взаимодействия пожилых людей, видимо, по принципу взаимоусиления интенций. Здесь легко обнаружить элементы борьбы за справедливость, пристальный интерес к личной жизни соседей, тотальную наблюдательность — целый набор средств для более активного социального существования, которого пожилые люди оказались лишены. Производство слухов может быть стимулировано и идеологическим неприятием «успешных» в современном смысле слова людей, когда причины такой «успешности» додумываются исходя из собственных представлений о возможных источниках доходов.

То есть именно пожилые люди... Многие бывают какими-то озлобленными, завистливыми. Я много могу привести примеров, и сам сталкивался с таким. У нас в подъезде, где моя бабушка живет, и я там тоже часто бываю, под нами живет одна соседка. Она весьма ворчливая и постоянно какие-то слухи распускает, сплетни. Что я там вообще и мои родители наркотиками торгуем, причем мы их колем откуда-то... и вот по всему двору начинаются сплетни какие-то... «У них 20 квартир, 10 машин, 3 дачи...» И, кстати, у нее отношения плохие даже с многими соседками остальными. <...> Пожилые люди сами бывают... многие со сдвигом. И у многих этот сдвиг настолько получается серьезный, что... когда к тебе относятся плохо, то очень сложно отнестись хорошо (ноябрь 2008 г. С., 19 лет, м.).

«Свой мир уходит»: апелляции к гармонии старых порядков

Мир, в котором оказались пожилые, — мир для них неожиданный в худшем варианте: происходящее не соотносится ни с их желаниями и надеждами, ни с представлениями о допустимом, что усиливает естественный дискомфорт старости. Большая

часть пожилых людей не смогла приспособиться к постсоветской действительности, вынуждена отказываться от привычного образа жизни, свыкаться с утратами и ограничениями. Обычно представители этой возрастной группы дезадаптированы, реформационную деятельность правительства оценивают негативно и, как следствие, склонны к пессимистическим ожиданиям / настроениям [Левада 2002: 7–8, 11, 13]. В ходе наших ранних исследований (анкетный опрос 2003 г.) я сделал предположение, что представители «третьего возраста» по большей части не просто не могут вписаться в новую систему отношений, но и, воспринимая новые ценности / стандарты как «порочные», предпочитают скорее пассивные формы адаптации [Смолькин 2005: 71]. Это дает им известное моральное право выступать в качестве судей нового мира, хранителей старых (= истинных) ценностей.

Пожилые люди, претерпевающие ресоциализационное насилие со стороны социальной системы, не имея внятного адресата критики, склонны персонализировать ответственность, возлагая ее на отдельных относительно удачливых представителей нового мира, или по крайней мере назначать эту роль своим локальным оппонентам. Их могут обвинить в «развале страны», «распродаже России» и т.п. (хотя в последние годы такой вариант встречается уже относительно редко, это универсальное обвинение ушло вместе с 1990-ми).

Инт.: *Откуда же такая агрессия?*

Рес.: *Не знаю. Тоже у них жизнь не лучшая в России... Может, это уже... к старости люди менее оптимистично смотрят на жизнь... Все у них уже подходит к такому образу жизни, домашнему. Свой мир уходит (май 2008 г. А., 21 год, м., Ханты-Мансийский АО, пгт. Пойковский).*

Это, может, просто зависит от человека. <...> От возраста тоже может зависеть. Может, человек чем-то недоволен, в плане накопившейся с возрастом обиды на что-то, и она выражается в отношении к другим людям, особенно именно кто младше их по возрасту. Может, просто им кажется, что нынешнее поколение совсем не то, которое они хотели видеть (октябрь 2008 г. С., 22 года, м.).

Из всех потенциальных объектов критики молодежь является, во-первых, однозначно идентифицируемой (как таковая) и поэтому / при этом наиболее доступной для контактов (в отличие от, например, чиновников). Во-вторых, она более восприимчива к «новым веяниям», чем представители прочих возрастных групп, в результате чего представители младшего поколения визуально воспринимаются как «другие». В-третьих, как уже отмечалось выше, с точки зрения пожилых людей, моло-

дежь — традиционный объект воспитания, в то время как она сама подобные пассивные роли сегодня уже отвергает.

Ну, порой тоже не понимаю отношения взрослых. Пример соседей: идешь — да, погулял на улице, съездили на дискотеку — утром идешь часов в пять. Бабушка стоит, начинает матом орать ни с того ни с сего: «Че вы там, типа, всю ночь где-то шляетесь, [а] теперь ходите». Мы просто мимо прошли, и все. Либо, например, тоже... но это, может, и не пожилые... собрали по всему подъезду бычки, привязали в пакетике к дверной ручке. А мы — они знают, что мы в подъезде никогда не курим... Странное вот иногда такое отношение, агрессивное идет к молодежи... Подруга придет в гости, уезжает, скажем, часов в одиннадцать на такси, ей там вслед соседи, бывает, кричат... легкого поведения, мол... (май 2008 г. А., 21 год, м., Ханты-Мансийский АО, пгт. Пойковский).

Инт.: *А еще какие-нибудь примеры с чтением морали помните?*

Рес.: *Да они все примерно однотипные. Что мы глупые, мы ничего в жизни не понимаем, что мы развратные, что мы прожигаем свою жизнь и при этом мы еще пьем, курим и наркоманим. Это всегда, это абсолютно точно — все маразматичные старики почему-то считают, что мы алкоголики, наркоманы и куряки заядлые, и все что угодно. И что мы даже ничего не хотим, что абсолютно неправда (ноябрь 2008 г. А., 19 лет, ж.).*

Рес.: *То есть у них так сложилось, что им всегда все должны, обязаны делать, беспрекословно причем выполнять. Как тираны какие-то прямо... То есть, если ты отступаешь от их личных принципов, не от своих, не от общепринятых, мораль там в обществе, а только от ее личного или там от его личного мнения, то ты все, ты оказываешься неправ.*

Инт.: *И часто Вы с таким сталкиваетесь, с таким диктаторством?*

Рес.: *Бывало. <...> Они так ведут себя в основном с молодежью, а со своими ровесниками чего они там будут... доказывать (апрель 2008 г. Р., 21 год, м.).*

На межгрупповом уровне поколенческий конфликт может выступать как способ артикуляции поколенческой идентичности, не случайно респонденты, даже дистанцируясь от ситуации в ходе интервью, нередко описывают столкновения с пожилыми людьми с позиции «мы» / «они». Вследствие этого обе стороны имеют склонность воспринимать свои диспозиции друг относительно друга как конфронтационные, подразумевающие некие неустранимые разногласия, в результате чего практически всякая ситуация соприсутствия может пониматься как предконфликтная.

Инт.: *А бывают случаи, когда бы Вы не уступали место?*

Рес.: *Ну, кстати, да... Бывают такие навязчивые старушки... даже не старушки, в районе 55 лет. Наверняка Вы слышали, сталкивались сами с этим там... Какая-нибудь женщина... Она идет на конфликт, она не хочет сесть, она хочет пойти на конфликт. То есть она, допустим, с сеткой какой-нибудь встанет, будет ее на вас постоянно ронять. При этом с соседкой, абсолютно незнакомой женщиной, заведет разговор, что молодежь пошла там... ужас, страх, никого не уважает... В принципе, один раз была такая забавная ситуация, с девушкой едем в трамвае, переднее двойное сиденье. Не знаю, как так получилось, практически все в трамвае были возраста от 50 лет. [пауза] Демонстративно, конечно, [мы] не вставали, потому что было действительно предвзятое отношение. Они долго распинались, значит, это уже было смешно просто, конечно. <...> Некоторые люди сознательно хотят пойти на конфликт, [а не сесть]. <...> Пойти на конфликт — это уже их самоцель (апрель 2008 г. С., 20 лет, м.).*

Советский стиль общения

Одной из важнейших обоюдоострых причин рассматриваемых конфликтов является все еще характерная для отечественной коммуникативной культуры позднесоветская стилистика общения. Нарботанные в советское время повседневные коммуникативные стили предназначались не для нейтрального взаимодействия, а скорее для принуждения другого к исполнению его обязанностей, вытеснения его в поведенческую норму, из которой, как предполагалось, он пытается выйти. Советская повседневная культура общения конца 1980-х гг. как культура тотальных воспитательных практик была замечательно и иронично описана А.Б. Гофманом: «Право воспитывать друг друга заменило другие права и стало восприниматься как наипервейшая обязанность. <...> мы живем в обществе если не воспитанных, то, во всяком случае, воспитывающих людей. <...> Квалификация наставляющих, их собственные <...> умения могут вызвать сомнения, но <...> их призвание — не самосовершенствование, а совершенствование других. Большой популярностью пользуется воспитание в общественных местах» [Гофман 1991: 173] и т.п. Несмотря на значительные изменения последних десятилетий, культура замечания / реакции на замечания в России не сложилась до сих пор: типовым ожиданием является именно конфликтный ответ как сопротивление поучениям (автор сам неоднократно сталкивался с ситуацией, когда его вежливая реакция / согласие в ответ на жесткие критические замечания вводили оппонента в состояние растерянности / замешательства).

Отечественным традициям публичной коммуникации не хватает деликатности, искусства замечания, исправляющего ситуацию, не роняя при этом ни собственного достоинства говорящего, ни достоинства оппонента¹. В позднесоветской (и особенно ранней постсоветской) культуре уважение со стороны других — не ожидаемая реакция, а желаемая цель, такой же объект повседневного завоевания, как место в очереди (= «под солнцем»), дефицитный товар или услуга. Здесь человек занят непрерывной колонизацией социального, не просто пытается по мере сил проявлять необходимые первопроходцу качества вроде гипертрофированной решительности, но даже не рассчитывая, что иные стратегии тоже могут приносить необходимый результат.

Рес.: *Я считаю, что должны все относиться к ним уважительно. Но бывают такие случаи... Есть такие пожилые люди, к которым не очень хочется относиться с уважением. Которые там тебя и «хорошо» назовут, и еще чего-нибудь... <...> Ну едешь ты с тренировки или еще откуда-нибудь, зайдешь в трамвай, сядешь... ну вообще стоять просто не можешь... заходит какая-нибудь бабулька, такая вся из себя: [наглым тоном] «Место уступите мне». Ты уже никак не можешь встать, но все равно встаешь.*

Инт.: *А тут в чем дело — в Вашей усталости или в том, что невежливо просят? То есть, если бы вежливо обратились?..*

Рес.: *Ну, конечно, я бы так встала, молча [и как неприятный эпизод не вспоминала] (апрель 2008 г. Е., 21 год, ж.).*

Рес.: *Допустим, в автобусе когда едешь там... бабушки... ну как сказать... тоже, допустим... орут на тебя там. Нет, чтоб сказать: «Сынок, уступи, пожалуйста, место». Нет, они начинают орать: «Почему сразу не уступил!?»*

Инт.: *Вы часто бываете в таких ситуациях?*

Рес.: *Да, часто (апрель 2008 г. В., 21 год, м.).*

Инт.: *А не были ли Вы свидетелем, когда сами пожилые люди действуют так, что к ним уважения не проявляется?*

Рес.: *Было такое... Ну... не знаю, грубое общение, что ли... не знаю... Видишь, что сидит бабушка, лет 70, и начинает там,*

¹ Характерный пример: лексема «пожалуйста» парадоксальным образом может включать оскорбительные коннотации, даже если произносится без специфической интонации. Если же на этом слове делают акцент, оно нередко приобретает агрессивный или издевательский оттенок. Напротив, «пожалуйста», сказанное «от души», получает почти просительно-унизительную окраску. Не несущее нежелательных коннотаций «пожалуйста» чаще всего говорится с подчеркнуто *ничего не значащей* интонацией. Между позицией «бессилия» и «требования» не находится приемлемого варианта, практики нейтральной работы лица (по Гофману [Гофман 2009]) лишь на пути становления, особенно в провинции. Характерно, что при общении со знакомыми довольно часто используют заимствованные русифицированные синонимы («плиз», «пардоньте», «сорри», «экскьюз(е) ми(муа)» и т.п.) или сокращения (обычно в письменной речи: «спсб» или «спс», «пож-ста», «пасиб») — это помогает избежать от описанных выше нежелательных коннотаций.

допустим, если кто-то что-то... такие ситуации [конфликтные] возникли, начинает ругаться, вплоть до мата. И неприятно с такими людьми дело иметь (апрель 2008 г. В., 20 лет, м., Тюменская обл., Нижневартовский р-н, пгт. Новоаганск).

Повседневные коммуникативные практики не имеют типовых бесконфликтных моделей устранения межпоколенческих противоречий, в лучшем случае речь идет об уклонении от конфликта.

Инт.: *А вот случаи, когда сами пожилые ведут себя «не по статусу»? Каковы их последствия, какая Ваша реакция?*

Рес. 1: *Это возмущение, во-первых. <...> Ясное дело, что это неприятно, если кто-то... кричать на тебя... но чтобы как-то еще ответить на это — это нет, конечно... <...>*

Рес. 2: *И не знаешь, что сказать, как реагировать. То есть, если бы это был ровесник, была бы совершенно другая реакция. А вот именно вот так вот, к старшему... все равно воспитание внутри нас у каждого какое-то заложено, какое-то уважение... Любого человека взять, все равно есть нормы моральные какие-то... поведение в обществе — это все воспитано. Это же все в общественном месте, не в подъезде один на один, не на лавочке... (парное интервью: апрель 2008 г. Рес. 1: А., 21 год, м., г. Александров Гай; Рес. 2: Ан., 21 год, м.).*

На грубость старика трудно адекватно / симметрично реагировать, ситуация остается незавершенной, т.к. легитимного выхода из нее нет, что вызывает психологический диссонанс. В результате молодежь прибегает к таким предупредительным и ответным действиям, которые не содержат прямых нарушений: выстраивает модель отношений по принципу «не замечать» и «игнорировать», распространяя ее на возможно большее число конфликтоопасных ситуаций.

Следует отметить, что межпоколенческие конфликты с открытой агрессией со стороны пожилых довольно редки (обычно респонденты с трудом вспоминали «из недавнего» один-два эпизода), но хорошо запоминаются (в приводимой ниже цитате респондент вспоминает случай, свидетелем — не участником! — которого он стал в детстве) и производят настолько сильное впечатление, что даже один такой эпизод способен изменить траекторию поведения субъекта / наблюдателя. По всей видимости, подобные истории не просто встраиваются в габитус индивида, но, как и всякое выходящее за пределы ожиданий событие, часто рассказываются друзьям / знакомым в качестве «забавных случаев из жизни» (с возможной радикализацией сюжета в процессе пересказа), в результате чего надежнее удерживаются памятью рассказчика и формируют соответствующие

экспектации у адресатов. Кроме того, в молодежной среде такие истории распространяются с большей скоростью и в большей аудитории (через рассказы однокурсникам, интернет-форумы и т.п.), чем среди представителей других поколений.

Пример <...> из очень далекого детства. Наверное, лет 7–8 мне было, очень давно. Когда в транспорте я ехал, достаточно далеко [надо было ехать], и на одном сиденье, два места, сидели две девушки молодые. И зашла бабушка, достаточно пожилая, она такая бойкая вся, боевитая, и в приказном тоне приказала ей уступить место. Ну девушки так это, мол, повежливее попросите. А бабушка заявляет: «Вы мне должны все, обязаны». И в итоге кончилось тем, что она к ним на колени взгромоздилась сама, к этим девушкам. Вот до такого доходит. Девушки, в общем-то, я так считаю, вполне не против были уступить место, но когда их вежливо все-таки попросят, но когда тебе начинают хамить... «вы все должны», «все обязаны» — это... очень неправильно, так сказать (ноябрь 2008 г. С., 19 лет, м.).

Мы не можем рассматривать такие интерпретации межпоколенческих конфликтов исключительно как попытки самооправдания под давлением нормы уважения к пожилым людям, т.к. нередко встречаем их в контексте, где режима оправдания не требуется. Например, объективную оценку ситуации можно вывести из реакции на действия пожилых людей ее свидетелей или рассказа стороннего наблюдателя.

Рес.: *Я с девушкой ехал. Там на переднем сиденье автобуса два места как раз, сразу за кабиной водителя. А там еще сзади места были. Я сижу, думаю, ну зачем уступать, сзади места есть... А бабушка такая тоже... Ну, в общем, разоралась...*

Инт.: *И Вам ее реакция показалась грубой?*

Рес.: *Да она всем показалась грубой! Потому что за нас стали заступаться люди другие. Кондуктор тоже: «Нет чтоб попросить там: “Встаньте, пожалуйста, уступите место...”».*

Инт.: *То есть другие люди сделали ей замечание?*

Рес.: *Да (апрель 2008 г. В., 21 год, м.).*

Рес. 1: *[На пожилую женщину — инициатора конфликта в автобусе] реакция была неоднозначная... причем, мне кажется, что осуждали ее... Никто, конечно, ничего не сказал, и молодой человек ничего не ответил, но все как бы задумались. И негатив, который бабушка выплеснула, он к ней вернулся осуждением в душе каждого, кто был в автобусе (парное интервью: апрель 2008 г. Рес. 1: А., 21 год, м., г. Александров Гай; Рес. 2: Ан., 21 год, м.).*

Инт.: *Вы бы сами пропустили?*

Рес.: *Если стоит за мной [бабушка], почему бы и нет? Хотя бывают такие бабушки, которые оттолкнут тебя десять раз*

и залетят первыми, я такое тоже наблюдал. Например, на вокзале стояли в очереди, а там у меня есть знакомая, она беременная была, месяц восьмой, и бабулька стоит такая. Подъезжает маршрутка, я прошу: «Пропустите беременную». Она прямо так отталкивает, она чуть ли не падает, орет, матом... Все равно там уступили беременной... вроде какой-то там мужчина встал, вышел... Ну там не совсем бабушка, лет 60–55 — женщина (май 2008 г. А., 21 год, м., Ханты-Мансийский АО, пгт. Пойковский).

Агрессивное поведение способно приносить чисто прагматические выгоды, но стратегически оказывается убыточным: пожилого человека могут пропустить в очереди или на свободное место не в качестве демонстрации уважения, а чтобы «не связываться». Наиболее серьезным следствием такого поведения пожилых людей является изменение самой установки на уважение. По крайней мере можно сказать, что уважительные действия теперь не совершаются автоматически, а соизмеряются с контекстом и самим объектом гипотетического уважения. Тормозящими факторами могут оказаться наличие у пожилого человека признаков, указывающих на потенциальную конфликтность, или даже отсутствие признаков «правильного» и «нескандального» старика [Смолькин 2008: 119–120]. Формулироваться это может довольно жестко:

Мне подружка рассказывала, она пропустила бабушку вперед, там огромная очередь на маршрутку, просто огромная. Ну, она говорит, пропущу, старый человек. Так она ее мало того, что толкнула, так еще и обозвала. Больше, она говорит, никогда не пропускаю (апрель 2008 г. Е., 21 год, ж.).

Заключение

По всей видимости, ситуация межпоколенческих контактов в ряде случаев изначально имеет статус потенциально-конфликтной: для респондентов типичны настороженно-безразличные аттитюды по отношению к пожилым людям, при этом многие оговаривали необходимость симметричного уважения со стороны пожилых; характерны избегание (вербальных) контактов, представление о том, что пожилые люди часто предвзяты по отношению к молодежи, неприятие традиционной роли объекта воспитания со стороны старших.

Негативные ожидания любой из сторон помогают истолковывать всякие неоднозначные действия другого как потенциально конфликтные, что обостряет ситуацию и ограничивает возможность (адекватно воспринятого) нейтрального поведения. Для пожилого человека инициируемый им конфликт может

быть лишь способом общения с целью преодоления одиночества, для психологической разрядки, более или менее осознанной артикуляции поколенческой идентичности. Наши данные не позволяют судить об этом однозначно, но именно так они воспринимаются опрошенными. Важной причиной конфликтов является агрессивно-аномический (пост)советский стиль коммуникации (например, модель поведения «агрессивной жертвы»), препятствующий проявлению любых форм солидарности.

Специфика выборки не позволяет судить о распространенности описанных установок по отношению к пожилым людям. Результаты предварительного анкетирования, данные других исследований и контекст интервью (респондентам, как правило, казалось, что они проговаривают общеизвестные вещи) склоняют к предположению о типичности описанных моделей, однако эта гипотеза требует детальной проверки количественными методами.

Библиография

- Беликов С.В., Громов Д.В.* Скинхеды-наци Москвы: конструирование маскулинности // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 209–256.
- Гофман А.Б.* О необычайном расцвете одного социального института: всеобщего воспитательного права // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1991. № 1. С. 172–178.
- Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. С. 18–63.
- Громов Д.В.* Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 8–72.
- Жаковска М.* Эволюция российской молодежной культуры // История и современность. 2011. № 2. С. 194–206.
- Иванова Е.И., Смирнова Е.А.* Риск конфликта между поколениями в современной России: семья, общество, государство: Итоговый научный отчет. М., 2003. 29 с. <<http://www.socpol.ru/grantprog/pdf/Ivanova.pdf>>.
- Кошкина Е.А., Павловская Н.И., Ягудина Р.И., Куликов А.Ю., Усенко К.Ю.* Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в Российской Федерации // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 2 (14). С. 1–12.
- Левада Ю.* Варианты адаптивного поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1 (57). С. 7–13.

- Лисовский В.Т.* «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 111–116.
- Саралиева З.М., Балабанов С.С.* Пожилой человек в Центральной России // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 54–63.
- Смолюкин А.А.* Возрастные группы: позиционирование в отношении к старости // Современный дискурс социальной эксклюзии. Саратов: СГТУ, 2005. С. 68–83.
- Смолюкин А.А.* Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 106–121.
- Смолюкин А.А.* Межпоколенческие конфликты в повседневной жизни // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 110–114.
- Собкин В.С., Адамчук Д.В.* Особенности употребления алкоголя в подростковой среде // Вестник практической психологии образования. 2006. № 1 (6). С. 39–48.
- Соколов А.В.* Современное студенчество: интеллектуально-нравственная дифференциация // Актуальные проблемы социологии молодежи / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2010. С. 594–602.
- Халикова В.Р.* Мир вокруг экстремального велосипеда // Молодежные субкультуры Москвы / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 253–296.
- Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 77–93.
- Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167–191.
- Galtung J.* Cultural Violence // Journal of Peace Research. 1990. Vol. 27. No. 3. P. 291–305.
- Pleasants N.* Institutional Wrongdoing and Moral Perception // Journal of Social Philosophy. 2008. Vol. 39. No. 1. P. 96–115.
- Rössel J., Collins R.* Conflict Theory and Interaction Rituals: The Microfoundations of Conflict Theory // Handbook of Sociological Theory / Ed. by Jonathan H. Turner. N.Y.: Springer, 2006. P. 509–531.
- Ruscher J.B., Hurley M.M.* Off-Target Verbosity Evokes Negative Stereotypes of Older Adults // Journal of Language and Social Psychology. 2000. Vol. 19. No. 1. P. 141–149.
- Scheff T.J.* Being Mentally Ill: Sociological Theory. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1999. 220 p.

Practises of Everyday Intergenerational Interaction through the Eyes of the Students of a Provincial University: An Ethnographic Essay

Anton Smol'kin

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Vernadskogo pr. 82, Moscow, Russia

anton.smolkin@gmail.com

Problem: This paper focuses on causes of intergenerational conflicts in everyday life through the eyes of the students of a provincial university. Based on the results of involved observation and interviews (conducted in 2007–2010, N = 50), the author points out that some intergenerational contacts may be marked as potentially conflictual from the very beginning. It is common for young people to dislike being a traditional object of upbringing for elderly people, and to believe that many elderly people are prejudiced against youth. Negative expectations of youth and the elderly allow both of them to regard any ambiguous actions of the other side as potentially conflictual. This escalates the situation, and reduces practical opportunities to find a line of behaviour that could be considered neutral. The conflict can arise from the elderly's side as a result of their common frustration or it can be a way of communicating, to get over their loneliness. Conflict can be also a way to diffuse tension or to translate their generational identity (the latter may explain one of the communication practises in public transport such as “unaddressed complains”). An important cause of conflict is specific verbal / communicative behaviour by the elderly, e.g. an aggressive anomic (post)soviet communication style (behaving as an “aggressive victim”), which makes it difficult to demonstrate many forms of solidarity. As a result, young people react in advance in such a way, that they re-form their attitude in order to minimise any contacts, but without violating the practise directly. **Conclusions:** The conflictual behaviour of the elderly can bring them some immediate pragmatic benefits, but fails strategically, because it destroys the potential for gaining the respect of others. The respectful actions stop being mechanical and grow to be associated with the situational contexts and with the object of hypothetical respect.

Keywords: intergenerational interaction, intergenerational conflict, attitudes toward aging, the elderly, youth.

References

Belikov S. V., Gromov D. V., 'Skinkhedy-natsi Moskvy: konstruirovaniye maskulinnosti' [Skinhead-Nazis of Moscow: Constructing Masculinity]

- linities], Pushkareva N. L. (ed.), *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku* [Street-Based Youth Groups: An Introduction to Key Issues]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Press, 2009. Pp. 209–256. (In Russian).
- Galtung J., ‘Violence, Peace, and Peace Research’, *Journal of Peace Research*, 1969, vol. 6, no. 3, pp. 167–191.
- Galtung J., ‘Cultural Violence’, *Journal of Peace Research*, 1990, vol. 27, no. 3, pp. 291–305.
- Goffman E., *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Pantheon Books, 1982. 270 pp.
- Gofman A. B., ‘O neobychnom rastsvete odnogo sotsialnogo instituta: vseobshchego vospitatelnogo prava’ [About the Extraordinary Flowering of One Social Institution: General Educational Law], *Rubezh: Almanakh sotsialnykh issledovaniy*, 1991, no. 1, pp. 172–178. (In Russian).
- Gromov D. V., ‘Podrostkovo-molodezhnye ulichnye gruppirovki kak obyekt etnograficheskogo issledovaniya’ [Teenage and Youth Street Gangs as an Object of Ethnographic Research], Pushkareva N. L. (ed.), *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku* [Street-Based Youth Groups: An Introduction to Key Issues]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Press, 2009. Pp. 8–72. (In Russian).
- Ivanova E. I., Smirnova E. A., Risk konflikta mezhdu pokoleniyami v sovremennoy Rossii: semya, obshchestvo, gosudarstvo: Itogovyy nauchnyy otchet [Risk of Conflict between Generations in Modern Russia: Family, Society, State. A Final Research Report]. Moscow, 2003. 29 pp. <<http://www.socpol.ru/grantprog/pdf/Ivanova.pdf>>. (In Russian).
- Khalikova V. R., ‘Mir vokrug ekstremalnogo velosipeda’ [World around Extreme Cycling], Martynova M. Yu. (ed.), *Molodezhnye subkultury Moskvy* [Moscow Youth Subcultures]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Press, 2009. Pp. 253–296. (In Russian).
- Koshkina E. A., Pavlovskaya N. I., Yagudina R. I., Kulikov A. Yu., Usenko K. Yu., ‘Mediko-sotsialnye i ekonomicheskie posledstviya zlo-upotrebleniya alkogolem v Rossiyskoy Federatsii’ [Medical, Social and Economic Consequences of Alcohol Abuse in the Russian Federation], *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya*, 2010, no. 14, pp. 1–12. (In Russian).
- Levada Yu., ‘Varianty adaptivnogo povedeniya’ [Versions of Adaptive Behaviour], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsialnye peremeny*, 2002, no. 1 (57), pp. 7–13. (In Russian).
- Lisovskiy V. T., ‘“Ottsy” i “deti”’: za dialog v otnosheniyakh’ [“Fathers” and “Children”: for Dialogue in the Relationship], *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2002, no. 7, pp. 111–116. (In Russian).
- Pleasants N., ‘Institutional Wrongdoing and Moral Perception’, *Journal of Social Philosophy*, 2008, vol. 39, no. 1, pp. 96–115.
- Rössel J., Collins R., ‘Conflict Theory and Interaction Rituals: The Microfoundations of Conflict Theory’, Turner J. H. (ed.), *Handbook of Sociological Theory*. New York: Springer, 2006. Pp. 509–531.

- Ruscher J. B., Hurley M. M., 'Off-Target Verbosity Evokes Negative Stereotypes of Older Adults', *Journal of Language and Social Psychology*, 2000, vol. 19, no. 1, pp. 141–149.
- Saralievа Z. M., Balabanov S. S., 'Pozhiloy chelovek v Tsentralnoy Rossii' [The Elderly in Central Russia], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1999, no. 12, pp. 54–63. (In Russian).
- Scheff T. J., *Being Mentally Ill: Sociological Theory*. New York: Aldine de Gruyter, 1999. 220 pp.
- Shanin T., 'Metodologiya dvoynoy refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoy rossiyskoy derevni' [Methodology of Dual Reflexivity in Researching the Contemporary Russian Village], *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 1998, no. 3/4, pp. 77–93. (In Russian).
- Smol'kin A. A., 'Vozrastnye gruppy: pozitsionirovanie v otnoshenii k starosti' [Age Groups: Positioning in Attitude to Old Age], Yelutim M. E. (ed.), *Sovremennyy diskurs sotsialnoy eksklyuzii* [Contemporary Discourse of Social Exclusion]. Saratov: Saratov State Technical University Press, 2005. Pp. 68–83. (In Russian).
- Smol'kin A. A., 'Paradoksy otnosheniya k pozhilym lyudyam v sovremennoy Rossii' [Paradoxes of Attitudes toward Older People in Modern Russia], *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 2008, no. 3, pp. 106–121. (In Russian).
- Smol'kin A. A. 'Mezhpokolencheskie konflikty v povsednevnoy zhizni' [Intergenerational Conflicts in Everyday Life], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2010, no. 11, pp. 110–114. (In Russian).
- Sobkin V. S., Adamchuk D. V., 'Osobennosti upotrebleniya alkogolya v podrostkovoy srede' [Features of Alcohol Use in Adolescents], *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 2006, no. 1 (6), pp. 39–48. (In Russian).
- Sokolov A. V., 'Sovremennoe studenchestvo: intellektualno-nravstvennaya differentsiatsiya' [Modern Students: Intellectual and Moral Differentiation], Vishnevskiy Yu. R. (ed.), *Aktualnye problemy sotsiologii molodezhi* [Actual Problems of Sociology of Youth]. Ekaterinburg: Ural Federal University Press, 2010. Pp. 594–602. (In Russian).
- Zhakovska M., 'Evolyutsiya rossiyskoy molodezhnoy kultury' [Evolution of Russian Youth Culture], *Istoriya i sovremennost* [The History and the Present], 2011, no. 2, pp. 194–206. (In Russian).